

М. Н. Коннова

**ОБРАЗ ВРЕМЕНИ В СТИХОТВОРЕНИИ Б. Л. ПАСТЕРНАКА
«ЕДИНСТВЕННЫЕ ДНИ»**

Рассматривается аксиологический прототип категории времени в стихотворении Б.Л. Пастернака «Единственные дни» и его английском переводе, выполненном Л. Пастернак-Слейтер.

This article focuses upon the axiological prototype of the 'time' category in Boris Pasternak's poem Unique Days and its English translation by Lydia Pasternak-Slater.

Ключевые слова: время, аксиология, прототип, символ, перевод, Б. Пастернак.

Key words: time, axiology, prototype, symbol, translation, B. Pasternak.

Категория времени является основополагающей категорией бытия. В настоящей статье ставится цель выявить аксиологический прототип образа времени в авторской картине мира Б.Л. Пастернака на основе

сопоставления семантики лексемы «день» в стихотворении «Единственные дни» [9, с. 502] и его английском переводе Л.Л. Пастернак-Слейтер («Unique Days») [10]¹.

Временная отнесенность первых строк стихотворения предопределяет его аксиологическую маркированность: «На протяжении многих зим // Я помню дни солнцеворота»². Сугубая значимость этих дней для поэта подчеркивается двукратным (в первой и третьей строках) повторением сочетания «Я помню». Необычное употребление отыменного предлога «на протяжении» в сочетании с формой глагола настоящего времени приводит, как отмечает Б.Г. Бобылев, к децентрации, раздвоению субъекта, «который оказывается и в некоем протяженном прошлом, и в настоящем, приобретающем вневременное значение» [2, с. 215]. В английском тексте семантика *памяти* усилена инвертированным порядком слов первой строки («How I remember solstice days») и синонимическими повторами во второй и третьей строках («...there grew in years // An unforgettable succession. // Each one of them I can evoke»).

Сема *поворот, возвращение*, содержащаяся в русской лексеме «солнцеворот» («солноворот, солнцеворот, поворот солнца, на прибыль... дня» [3, т. 4, с. 266]), делает возможным контекстуальное расширение ее экстенционала на дни, когда солнце начинает набирать силу — *возвращаться*. Словосочетание «дни солнцеворота» метонимически указывает на любимое время поэта — праздник Рождества Христова и Святки³.

В надвременном контексте праздника Рождества Христова разрешается логический конфликт третьей и четвертой строк стихотворения: «И каждый был неповторим / И повторялся вновь без счета» — «Each unrepeatable, unique, / And each one countless times repeated». Внутренняя, духовная неповторимость и циклически-календарная повторяемость реально присутствуют в праздничестве в день (ср.: [3, т. 3, с. 381]), который есть не воспоминание события, но событие вновь и вновь происходящее, вбирающее и реальность прошлого, и неповторимость настоящего, и простор вечности «невечернего дня» Царства Небесного.

Во второй строфе инвертированный порядок слов и двойной синтаксический перенос [2, с. 216] свидетельствуют о высокой аксиологической наполненности вынесенного в заглавие стихотворения словосочетания «единственные⁴ дни»: «И целая их череда // Составилась малопомалу — // Тех дней единственных, когда // Нам кажется, что время стало». Эпитет «единственные» — «только эти», «выдающиеся» [8, с. 182] — подчеркивает выделенность рождественских дней из круга

¹ Написанное за год до смерти, стихотворение «Единственные дни» (1959) открывает глубины мировидения Б. Пастернака, до конца сохранившего православную веру. По желанию поэта его предсмертная исповедь была отдана московскому священнику протоиерею Николаю Голубцову (1900–1963) [7, с. 67].

² Здесь и далее курсив в цитатах наш. — М.К.

³ Описанию дней Рождества и Святки посвящены, в частности, глава романа «Доктор Живаго» «Елка у Свентицких» (фамилия Свентицкий созвучна польскому *święto* — праздник), стихотворения «Рождественская звезда» (1947), «Снег идет» (1957).

⁴ Церковнославянский корень *един-* напоминает о *Единосущии* Троицы — *Единстве* Божества в Трех Лицах и о воплощении *Единородного* Сына Божия.

обыденного времени: с Рождеством Христовым наступает новая эра — Лето Господне (*Anno Domini*). Исключительная значимость этих дней подчеркивается в английском переводе повтором указательного местоимения *these* («эти»): «...all these days, these only days...»

Аналогом русского «единственные» переводчик выбирает английское прилагательное «only», имеющее в контексте стихотворения предельно высокую аксиологическую отнесенность, ср. строки Евангелия от Иоанна: «For God so loved the world, that he gave his only begotten Son, that whosoever believeth in him should not perish, but have everlasting life» (John 3: 16). — «Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Своего Единородного, дабы всякий верующий в Него не погиб, но имел жизнь вечную» (Ин. 3: 16)⁵.

Отличительная особенность «единственных дней» Рождества и Святков передается глагольной формой «(время) стало», совмещающей в себе значения двух омонимичных лексем — «остановиться, прекратить движение» [8, с. 753] и «совершиться, оказаться, сделаться» (ср. «На дворе совсем весна стала» [там же]). Как отмечает Б.Г. Бобылев, видо-временная, фонетическая и лексическая сопряженность-созвучие глагольных форм «(череда) составила» и «(время) стало» усиливает бытийное значение глагола «стать»: *время стало* — «время приобрело свойство существующего, сущего. Остановившись, время становится вечностью» [2, с. 216]⁶.

В переводе на английский язык Л. Пастернак-Слейтер сохраняет значение только одного из омонимов «стать» — ‘остановиться’ (*stop*); введение глагола «rejoice» ‘радоваться, веселиться’ придает описанию оттенок праздничности: «...one rejoiced in the impression // That time had stopped». Значение глагола *stop*, перекликающееся с глубинной семантикой ключевой лексики *solstice* (от лат. *solstitium* ← *sol-sisto*, тождественного русскому «солнцестояние»), усиливает впечатление неслучайности происходящего в природе.

В стихотворении Б.Л. Пастернака видимым отражением происходящего становится атмосфера *мирной* тишины, наполняющая третью и четвертую строфы. Единение небесного и земного раскрывается лексемами «на деревьях в вышине», «крыши», «скворешни», в которых семантика *высоты* имплицитно сопрягается с образом *земли* и *дома* (крыши — метонимический символ дома, скворешни — образ освоенной, прирученной природы).

⁵ Связь определения *единственный* с генетически родственными лексемами *единение, единство, единомушие* [8, с. 182] имплицитно указывает на происходящее в Рождестве Христовом единение: «Творец приходит сделаться человечеству Своим, — Сам делается “Сыном Человеческим”. <...> Для чего же нужно это “единение”? Для того, чтобы человечество чрез Себя соединить с Отцом Своим... <...> Сделавшись “Своим” нам, Он нас делает “Своими” Отцу» [6, с. 168-169].

⁶ Аврелий Августин в своей «Исповеди» пишет: «Все годы Твои одновременны и недвижны: они *стоят*... “Годы твои как один день” (2 Пет. 3: 8), и день этот наступает не ежедневно, а сегодня, ибо Твой сегодняшний день не уступает места завтрашнему и не сменяет вчерашнего. *Сегодняшний день Твой — это вечность*; поэтому вечен, как и Ты, Сын Твой, Которому Ты сказал: “Сегодня Я породил Тебя” (Пс. 2: 7)» [1, с. 293].

Символом «единственных дней» становится образ солнца, имеющий особое аксиологическое значение в христианском мировидении. Согласно В. Далю, «Солнце правды — Богочеловек Иисус Христос» [3, т. 4, с. 265]. «Простой народ называет сей святой день Рождества Христова *новым солнцем*» [6, с. 234]. Образ Солнца — *разумного Солнца правды, Солнца славы* — многократно повторяется в песнопениях Рождества. Возникший в первой строфе («дни *солнцеворота*») и поначалу присутствующий в третьей строфе имплицитно («Дороги *мокну*т, с крыш *течет*» — «The roofs are *dripping*, roads are *soaked*»), образ солнца эксплицируется в неожиданной персонификации близкого, «своего» солнца: «И солнце *греется* на льдине» — «And on the ice the sun is *brooding*» (*to brood* — букв. ‘высиживать птенцов’, перен. ‘размышлять’). В четвертой строфе атмосфера солнечного тепла, радости природы передается синкретической метафорой «теплых» скворечников: «И на деревьях в вышине // *Потеют от тепла* скворешни». В английском переводе семантический оттенок «мягкого» тепла усиливается лексемой *steam* ‘пар’: «...in the height, upon a tree // The *sweating* nesting-box is *steaming*». Семантика теплой ласки свойственна и едва-едва намеченным, прозрачным образам близких («И любящие, как во сне, // Друг к другу тянутся поспешней»).

139

Завершающее стихотворение торжественно-вневременное «И дольше века длится день // И не кончается объятье» — исповедание глубокой веры поэта. По словам святителя Амвросия Медиоланского, «свет Христов есть *день* без вечера, *день бесконечный*» [5, с. 129–130]. Начавшееся с Рождеством Христовым новое время — это *день*, длящийся «дольше века» — *вечный день*, как точно подметила в переводе Л. Пастернак-Слейтер («*Eternal, endless is the day*»).

Употребление лексемы «объятье» в нехарактерной для современного русского языка форме единственного числа⁷ выводит ее из привычного употребления, уподобляя ее церковнославянскому существительному «объятие» — «целование, приветствие» [4, с. 370]. Глубинная семантика существительного «объятье» раскрывается Б.Л. Пастернаком в стихотворении «Магдалина» (1949 г., цикл «Стихотворения Юрия Живаго»): «Брошусь на землю у ног распятыя, // Обомру и закушу уста. // Слишком многим руки для *объятья* // Ты раскинешь по концам креста» [9, с. 452]. В данном контексте заключительная строка «Единственных дней» получает предельно высокое аксиологическое содержание: *не кончающееся объятье* — образ вечной Божественной любви к человечеству.

Исследование образа времени в стихотворении Б.Л. Пастернака «Единственные дни» и его английском переводе показало, что в авторской картине мира «единственные дни» Рождества Христова являются собой аксиологический прототип, лежащий в основе системы временных и вневременных смысловых, ценностных ориентиров поэта.

⁷ Ср.: *дружеские, жаркие, крепкие объятия* [8, с. 433]. Английское слово *embrace* («объятия») не имеет формы множественного числа, поэтому в переводе отсутствует грамматическая «необычность», указывающая на внутренний символизм.

Список литературы

1. *Аврелий Августин*. Исповедь / пер. с лат. М. Е. Сергеенко. СПб., 1999.
2. *Бобылев Б. Г.* Концептуальный смысл грамматических аномалий в тексте стихотворения Б. Пастернака «Единственные дни» // Язык, литература, ментальность. Курск, 2009. Ч. 1. С. 214–217.
3. *Даль В.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1956.
4. *Дьяченко Григорий, священник*. Полный церковно-славянский словарь. М., 2007.
5. *Вениамин (Федченко), митрополит*. Пасха. М., 2007.
6. *Вениамин (Федченко), митрополит*. Размышления о двенадцяти праздниках. М., 2008.
7. *Мудрый сердцем*. М., 2001.
8. *Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1995.
9. *Пастернак Б. Л.* Избранное: в 2 т. СПб., 1998. Т. 2
10. *Pasternak B.* Unique Days / transl. by L. Pasternak Slater [Электронный ресурс] // Friends & Partners: Linking US-Russia Across the Internet: [сайт]. URL: <http://www.friends-partners.org/friends/literature/19century/pasternak/uniqueadays.html> (дата обращения: 30.05.2011).

Об авторе

Мария Николаевна Коннова — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, maria.konnova@rambler.ru

About author

Dr. Maria N. Konnova, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, e-mail: maria.konnova@rambler.ru